

руя стихотворение, где «высокие» символические смыслы ассоциированы с сельским родовым кладбищем, а городское прочно встроено в материальную, бытовую и социальную повседневность, искать античные претексты (реальные и «сконструированные»), чтобы объяснить «бледность» обитателя этой удручающе приземленной и нарочито бессмысленной реальности, конечно, можно — но, наверное, уже не нужно.⁹⁴ Для понимания сюжета стихотворения они мало что дают; скорее тут уместнее было бы вспомнить персонажа стихотворения «Вурдалак» (1833) из «Песен западных славян»: «Трусоват был Ваня бедный: / Раз он позднею порой / Весь в поту, от страха бледный / Через кладбище шел домой» (III, 356).

Е. В. Кардаш

⁹⁴ Похожий — хотя гораздо более сложный — пример, показывающий, как первоначальный источник образа полностью растворяется и теряется в позднейших контекстах и Пушкиным, по всей вероятности, никак не учитывается, составляют «бледные» льстецы из стихотворения «О, Муза пламенной сатиры...» (см. подробнее: АПСС. Т. 3. Кн. 1. С. 907–908; коммент. Н. Г. Охотина).

Е. М. ХИТРОВО В ДУЭЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПУШКИНА

Утром 4 ноября 1836 года Пушкин получил от дочери М. И. Кутузова Елизаветы Михайловны Хитрово следующее письмо:

Я только что узнала, что цензурой пропущена статья, направленная против вашего стихотворения, дорогой друг. Особа, написавшая ее, *разъярена на меня* и ни за что не хотела *показать* ее, ни *взять ее обратно*. Меня не перестают терзать за вашу элегию — я настоящая мученица, дорогой Пушкин; но я вас люблю за это еще больше и верю в ваше восхищение нашим героем и в вашу симпатию ко мне! Бедный <Чедаев>. Он, должно быть, очень несчастен от того, что накопил в себе столько ненависти к своей стране и к своим соотечественникам.

Элиза Хитрова урожденная княжна Кутузова-Смоленская (XVI, 180–181, 394; ориг. по-франц.).

В письме Хитрово упоминает о статье своего дальнего родственника Л. И. Голенищева-Кутузова, критиковавшего Пушкина

за то, что тот в своем стихотворении «Полководец», посвященном М. Б. Барклаю-де-Толли, будто бы преуменьшил заслуги ее отца. Мы видим, как тяжело это восприняла Елизавета Михайловна, любившая Пушкина до самозабвения. Наделавшие много шума «Философические письма» П. Я. Чаадаева также не прошли мимо ее внимания. Одновременно со своим Хитрово передала Пушкину и письмо, запечатанное в конверт, на котором значилось имя поэта. В тот же день такое же письмо, адресованное Пушкину, вручил ему и граф Владимир Александрович Соллогуб, впоследствии вспоминавший:

Пушкин сидел в своем кабинете. Распечатал конверт и тотчас сказал мне:

— Я уж знаю, что такое; я такое письмо получил сегодня же от Елисаветы Михайловны Хитровой: это мерзость против жены моей. Впрочем, понимаете, что безыменным письмом я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангел, никакое подозрение коснуться ее не может. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-же Хитровой.

Тут он прочитал мне письмо, вполне сообразное с его словами.¹

Это письмо поэта к Хитрово не сохранилось. Ее ответ Пушкину стал известен только спустя много лет:

Нет, дорогой друг мой, для меня это настоящий *позор* — уверяю вас, что я вся в слезах — мне казалось, что я достаточно сделала добра в жизни, чтобы не быть впутанной в столь ужасную *клевету!* На коленях прошу вас не говорить никому об этом глупом происшествии.

Я поражена, что у меня нашелся столь жестокий враг. Что до вашей жены, дорогой Пушкин, то она ангел, и на нее напали лишь для того, чтобы заставить меня сыграть роль посредника и этим ранить меня в самое сердце!

Элиза Х.²

¹ Соллогуб В. А. Из «Воспоминаний» // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 333—334.

² Цявловская Т. Г. Неизвестные письма к Пушкину — от Е. М. Хитрово // Прометей: Историко-биографический альманах. М., 1974. Т. 10. С. 257 (ориг. по-франц.). Иной перевод второй части письма: «Я весьма удивлена тем, что у меня нашелся столь коварный враг, — что до вашей жены, милый Пушкин, то она ангел, а меня поймали в ловушку, чтобы воспользоваться моим посредни-

Как полагала опубликовавшая письмо Т. Г. Цявловская, «волнение, охватившее Хитрово, вызвано не тем, что автор “диплома” оклеветал жену Пушкина и оскорбил его... Она взволнована тем, что замешали в это дело ее. Она “на коленях просит” не говорить никому “об этом глупом происшествии”. Что понимает она под этими словами? То, что “диплом” послан через нее. Весь смысл ее письма в том, что ее обидели, что она не заслужила того, что Пушкин должен скрыть, что письмо прислано ему через нее!.. <...> Она и вообразила, что, пересылая оскорбительное письмо Пушкину через нее, аноним рассчитывал, что ее сочтут автором пасквиля. О чем думает она (преданнейший друг!), узнав содержание письма, пересланного ею Пушкину?! Такой эгоцентризм оставляет тяжелое впечатление. <...> Мы узнаем, наконец, что Елизавета Михайловна Хитрово, прочитав его письмо об анонимном пасквиле, осталась к Пушкину безучастной».³

Против такого, казалось, безапелляционного вердикта до настоящего времени не было выдвинуто какого-либо аргументированного возражения. В защиту Елизаветы Михайловны в посвященном ей очерке выступил В. В. Кунин: «Хитрово было нестерпимо больно, что удар обожаемому ею поэту нанесен как бы через ее посредство. <...> Может быть, конечно, она и преувеличивала значение собственной персоны в этой истории, но уж никак нельзя сказать, что она осталась к Пушкину безучастной».⁴

Отвечая Хитрово на ее первое письмо, поэт еще не знал, что пасквиль получили несколько его знакомых. Оттого и Елизавета Михайловна рассудила, что аноним использовал исключительно лишь ее теплые дружеские чувства по отношению к Пушкину, дабы очернить его самого и Наталью Николаевну. Далее произошла череда известных событий: поэт вызвал Жоржа Дантеса на дуэль, в дело вмешался его приемный отец — голландский посланник, барон Луи Геккерн, попросивший у Пушкина отсрочку сначала на сутки, до возвращения сына с полкового дежурства, затем — на две недели, и, наконец, последовало сватовство кавалергарда к сестре Натальи Николаевны — Екатерине Николаевне Гончаровой. В разрешении конфликта участвовали Василий Андреевич Жуков-

чеством и ранить меня в самое сердце! Элиза Х.» (Орлов В. Е. «Наука самая занимательная...»: Следуя за мыслями Пушкина. Нижний Новгород; Большое Болдино, 2025. С. 15).

³ Цявловская Т. Г. Неизвестные письма к Пушкину — от Е. М. Хитрово. С. 257—258.

⁴ Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 419.

ский и Екатерина Ивановна Загряжская — тетка сестер Гончаровых.

После отправки Пушкиным письма Елизавете Михайловне и ее ответа поэту следующий, и уже последний, эпизод их отношений исследователи относят к моменту прощания у смертного одра поэта. Александр Иванович Тургенев, описывая события 29 января 1837 года — последнего дня жизни Пушкина, — в письме к двоюродной сестре А. И. Нефедьевой свидетельствовал: «1 час. <...> Весь город, дамы, дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые наполняют комнаты, справляются об умирающем. Сени наполнены не смеющими взойти далее. Приезжает сейчас Элиза Хитрова, входит в его кабинет и становится на колена»,⁵ и о том же — в письме к неизвестному: «2-й час. <...> Приехала Е<лизавета> Мих<айлова> Хитрова и хочет видеть его, плачет и пеняет всем; но он не мог видеть ее».⁶

Однако роль Хитрово в пушкинской дуэльной истории на начальной ее стадии — получении поэтом анонимного письма — не закончилась. Подтверждение тому содержится в письме дочери Хитрово, Дарьи Федоровны Фикельмон, сообщавшей сестре Екатерине Тизенгаузен из Вены 21 ноября (3 декабря) 1842 года: «On m'a montre hier le portrait de Pouchkine, il m'a fort attendrie, en me rappelant toute son histoirtе, l'interet que maman y a pris et comme elle aimait Pouchkine <Вчера мне показали портрет Пушкина, он меня глубоко тронул, напомнив мне всю его историю, интерес, который проявляла к ней мать, и то, как сильно она любила Пушкина — франц.>».⁷

И это не был интерес стороннего наблюдателя. Узнав о предстоящей женитьбе Пушкина, Хитрово писала ему в мае 1830 года:

Рассчитывайте на меня на жизнь и на смерть, располагайте мною во всем без стеснения. Обладая характером, готовым для других пойти на все, я драгоценный человек для своих друзей — я ни с чем не считаюсь, езжу разговаривать с высокопоставленными лицами — не падаю духом, еду опять — время, обстоятельства — ничто меня не пугает. <...>

Утопив в слезах мою любовь к вам, я все же останусь тем же страстно любящим, кротким и безобидным существом, которое го-

⁵ Тургенев А. И. Письма к А. И. Нефедьевой и другим о дуэли и смерти Пушкина // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 206.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ Comte F. de Sonis. Lettres du Comte et de la Comtesse de Ficquelmont à la Comtesse Tiesenhausen. Paris, 1911. P. 37.

тово пойти за вас в огонь и в воду — ибо так я люблю даже тех, кого люблю мало! (XIV, 92, 411; ориг. по-франц.).

Не могла женщина, писавшая такие строки, остаться равнодушной к положению, в котором оказался поэт после получения им анонимного пасквиля. Однако впоследствии нашлись злые языки, обвинявшие дочь Кутузова в причастности к интриге, которая привела к гибели поэта. Порочившие Хитрово слухи вышли за пределы Петербурга. Фрейлина покойной императрицы Елизаветы Алексеевны, графиня Роксандра Скарлатовна Эдлинг (урожденная Стурдза), не поверившая в эту клевету, писала поэту В. Г. Теплякову из Одессы 18 февраля 1837 года: «Указывают на одну даму (Е. М. Хитрово. — А. К.) <...>; говорят, что она была орудием этого ужасного злодеяния», и спустя месяц — в письме от 17 марта: «Хитрово, которую хотели очернить в общественном мнении, приписывающем большое участие ей в этой интриге, ухаживала за Пушкиным до его последней минуты, и я нахожу, что это обстоятельство служит ее оправданием».⁸

Выдвинутые обвинения не имели под собой основания. Князь Петр Андреевич Вяземский в «Старой записной книжке» по поводу интриги, затеянной против Пушкина, писал: «Известно, что тут замешано было и дипломатическое лицо. Тайна безыменных писем, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена. Есть подозрения, почти неопровержимые, но нет положительных юридических улик. Хотя Елизавета Михайловна, по семейным связям своим, и примыкала к дипломатической среде (австрийский посланник в России граф Карл Людвиг Фикельмон был зятем Хитрово. — А. К.), но здесь она безусловно и исключительно была на Русской стороне. В Пушкине глубоко оплакивала она друга и славу России».⁹

В конце прошлого века были опубликованы письма Дантеса, адресованные барону Геккерну и невесте Екатерине Гончаровой. В письме к последней, предположительно датированном 21 ноября 1836 года, Дантес писал:

Моя любезная и добрая Катрин, как видите, дни бегут и день на день не приходится. Вчера ленив, сегодня деятелен, хоть и вернулся с отвратительного дежурства в Зимнем дворце; я, впрочем, посетовал на это нынче утром вашему брату Дмитрию, попросив

⁸ Графиня Р. С. Эдлинг в письмах к В. Г. Теплякову // Русская старина. 1896. № 8. С. 416—418 (ориг. по-франц.).

⁹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 494.

его передать вам, дабы вы сумели как-нибудь дать знать о себе; не знаю, как у меня достало терпения на эти несколько часов, так скверно провел я их в этом ужасном Маршалском зале, где не находишь утешения и в том, что можешь сказать себе, будто не хотел бы тут оказаться на портрете.

Нынче утром я виделся с известной дамой, и, как всегда, моя возлюбленная, подчинился вашим высочайшим повелениям; я формально объявил, что был бы чрезвычайно ей обязан, если бы она сооблаговолила оставить эти переговоры, совершенно бесполезные, и коль Месье не довольно умен, чтобы понять, что только он и играет дурацкую роль в этой истории, то она, естественно, напрасно тратит время, желая ему это объяснить.

Еще новость: вчера вечером нашли, что наша манера общения друг с другом ставит всех в неловкое положение и не подобает барышням. Я пишу вам об этом, поскольку надеюсь, что ваше воображение примется за работу и к завтрашнему дню вы найдете план поведения, который всех удовлетворит; я же нижайше заявляю, что ничего в этом не смыслю и, следовательно, более чем когда-либо намерен поступать по-своему.

Доброго вечера, милая моя Катрин. Надеюсь, «Пират»¹⁰ вас развлечет; до завтра, а пока целую вашу ручку, которой вы мне не дали вчера вечером перед уходом.

Жорж.¹¹

По предположению В. П. Старка, в письме «упоминаются, хотя и неназванными, Пушкин и Наталия Николаевна — “известная дама” и “Месье”. Из письма следует, что утром (явно у Загряжской) Дантес виделся с Наталией Николаевной, которой объявил, чтобы она оставила “эти переговоры, совершенно бесполезные”, и что муж ее играет “дурацкую роль в этой истории”».¹² Данная трактовка вызывает ряд вопросов. Отчего Дантесу в письме к невесте ее родную сестру, даже несмотря на изменения в отношениях с ней, называть «известной дамой», а хотя бы не так, как ее брата, несколькими строками выше — по имени — «ваша сестра Натали», а самой Екатерине — давать жениху советы, как ему с той себя вести? Вызывает недоумение и ситуация, когда у тетки одновременно находятся старший брат Екатерины, Дмитрий Николаевич Гонча-

¹⁰ Опера В. Беллини «Пират» («Il pirata»).

¹¹ Витале С., Старк В. П. Черная речка: До и после: К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса. СПб., 2000. С. 181, 182 (ориг. по-франц.).

¹² Там же. С. 177. О том же см.: Старк В. П. Наталья Гончарова. М., 2009. С. 363—364 («Жизнь замечательных людей»).

ров, и ее младшая сестра, Наталья Николаевна, в семье которой она проживает, однако кавалергард отчего-то просит именно брата невесты передать ей, что не имеет от нее известий, а не сестру, хотя это было бы логичнее и проще. Если в начале письма Дантес упоминает о встрече с Дмитрием Гончаровым, по всей вероятности действительно происходившей у Загряжской, то лишь потом рассказывает о переговорах с «известной дамой», что свидетельствует о событиях, произошедших в разных местах. Совершенно невероятной кажется мысль о причастности к переговорам Натальи Николаевны: невозможно представить, чтобы Пушкин привлек к каким-либо объяснениям с Дантесом жену, и та стала бы это делать в присутствии тетки и брата. Если бы Наталья Николаевна даже решилась на это тайком от мужа, Пушкин непременно узнал бы о том от Загряжской или шурина. Едва ли Наталья Николаевна взялась бы за назидание Дантеса и своей старшей сестры, и тем более — за увещевание мужа. Без сомнения, подобные речи могла вести только зрелая женщина, старше кавалергарда и одновременно друг Пушкина, имевшая на него влияние. «Известной даме», по-видимому, были хорошо известны подробности случившихся событий. Из контекста письма можно заключить, что разговор касался урегулирования вызвавшей пересуды ситуации, в которой оказались оба участника конфликта. Кроме Загряжской, о других женщинах, по-доброму относившихся к поэту и активно пытавшихся уладить его столкновение с Дантесом, до публикации приведенного письма мы не знали. В данной связи документальное свидетельство, исходящее от непосредственного участника дуэльной истории, трудно переоценить. Обратим внимание на обстоятельства происходившей беседы: это не случайная встреча на улице или в домах близких к Пушкину семейств, приглашавших Дантеса на свои вечера. По всей видимости, разговор явился следствием целенаправленного утреннего визита кавалергарда к «известной даме».

В тот же день, 21 ноября 1836 года, в неотправленном письме к А. Х. Бенкендорфу Пушкин писал: «По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата» (XVI, 191, 397; ориг. по-франц.). Подозревая Геккерна в составлении пасквиля, горя желанием выставить голландского посланника и его приемного сына в истинном свете в дипломатической среде, поэт мог обратиться к Елизавете Михайловне Хитрово. В ряду наиболее близких Пушкину женщин только она имела тесные связи с дипломатическим кругом, в котором постоянно вращались Геккерн и Дантес. Данное обстоятельство привело поэта к мысли

открыться Хитрово и посвятить ее в детали конфликта. Подобным образом он поступил, рассказав обо всем сначала Екатерине Андреевне и Софье Николаевне Карамзиным — вдове историографа Н. М. Карамзина и его дочери от первого брака, потом княгине Вере Федоровне Вяземской, которые, увы, не предприняли никаких действий, чтобы облегчить положение Пушкина. Его откровенность вызвала лишь негодование Жуковского, пытавшегося тайно разрешить ситуацию.

Вечером 16 ноября в австрийском посольстве у Фикельмонов состоялся раут, на который, по свидетельству Соллогуба, «Пушкин приехал поздно, казался очень встревожен, запретил Катерине Николаевне говорить с Дантесом и, как узнал я потом, самому Дантесу сказал несколько более чем грубых слов».¹³ Все это происходило на глазах у Елизаветы Михайловны, зная характер которой и любовь к поэту говорить о ее безучастии к происходившему не приходится. На следующий день, 17 ноября, официально было объявлено о предстоящем браке Дантеса и Екатерины Гончаровой. В свете начались пересуды. По прошествии времени Вяземский (в письме от 14 февраля 1837 года к великому князю Михаилу Павловичу) осмысливал случившееся:

Когда Пушкин узнал о свадьбе, уже решенной, он, конечно, должен был счесть ее достаточным для своей чести удовлетворением, так как всему свету было ясно, что это брак по рассудку, а не по любви. Чувства, или так называемые «чувства», молодого Геккерена получили гласность такого рода, которая делала этот брак довольно двусмысленным. Вследствие этого Пушкин взял свой вызов обратно, но объявил самым положительным образом, что между его семьей и семейством свояченицы он не потерпит не только родственных отношений, но даже простого знакомства, и что ни их нога не будет в его доме, ни его — у них. <...> ...часть общества захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плод досужей фантазии. <...> ...это оскорбительное и неосновательное предположение дошло до сведения Пушкина и внесло новую тревогу в его душу. Он увидел, что этот брак не избавлял его окончательно от ложного положения, в котором он очутился. Молодой Геккерен продолжал стоять, в глазах общества, между ним и его женой и бросал на обоих тень, невыносимую для щепетильности Пушкина.¹⁴

¹³ Соллогуб В. А. Из «Воспоминаний». С. 335.

¹⁴ Цит. по: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. М., 1987. С. 224 (ориг. по-франц.).

О том, что Хитрово входила в круг лиц, посвященных в семейные обстоятельства Пушкина, свидетельствуют и недатированные письма императрицы Александры Федоровны к фрейлине Екатерине Тизенгаузен. Супруга императора не без оснований полагала, что та обладала достоверными сведениями о сватовстве кавалергарда, без сомнения исходящими от матери. В первом письме императрица интересуется: «Мне бы хотелось иметь через вас подробности о невероятной женитьбе Дантеса. — Неужели причиной ее явилось анонимное письмо? Что это — великодушие или жертва? Мне кажется бесполезно — слишком поздно».¹⁵ Во втором Александра Федоровна с горечью констатирует: «Мне жаль Дантеса, нужно было бы помешать этому браку — он будет несчастьем для них обоих».¹⁶

Будучи тещей австрийского посланника, Елизавета Михайловна в течение продолжительного времени общалась с Дантесом еще задолго до тревожных для Пушкина дуэльных событий. Кавалергард упоминал о дочери полковника в письмах к барону Геккерну во время пребывания последнего за границей в 1835—1836 годах. Его отзывы о Хитрово ироничны и крайне неучтивы. Так, в письме от 18 октября 1835 года Дантес характеризовал ее следующим образом:

Дама сия стала до того тщеславной, что даже лучшие ее намерения выглядят совершенно смехотворно; она до такой степени откровенна во всех своих действиях, что поистине не знаешь, что и думать; впрочем, нет никакого риска быть опровергнутым, ежели сказать, что она редко держится идей вчерашнего дня, всегда нынешнего и никогда завтрашнего. Что ж, это единственный способ пропеть и не ошибиться.¹⁷

Насколько расчетлив в своих действиях и осмотрителен в публичных высказываниях Дантес, особенно в обстоятельствах, способных помешать продвижению по службе, настолько кажутся ему необдуманно поступки и наивными речи экзальтированной Хитрово.

Елизавета Михайловна обычно принимала по утрам. По воспоминаниям Вяземского, «в летописях Петербургского общежития имя ее <Хитрово> осталось так же незаменимо, как было оно при-

¹⁵ Цит. по: Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927. С. 200 (ориг. по-франц.).

¹⁶ Там же (ориг. по-франц.).

¹⁷ Витале С., Старк В. П. Черная речка: До и после. С. 79, 82 (ориг. по-франц.).

влекательно в течение многих лет. Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмонт, неизгладимо врезаны в памяти тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салонах».¹⁸

Желая уладить конфликт, Елизавета Михайловна, пыталась повлиять как на Дантеса, так и на Пушкина, сначала не верившего в серьезность намерений кавалергарда по отношению к свояченице и упорно не желавшего отказываться от своего вызова, а затем заявившего о прекращении каких-либо отношений между семьями, которые должны были вскоре породниться. Как представляется, Дантес явился в австрийское посольство по приглашению Хитрово, зная уже о ее намерениях и предполагая следовать указаниям невесты.

Дантес пишет, что накануне он услышал, скорее всего, от Александра Николаевича Карамзина — сына историографа, с которым обедал,¹⁹ о пересудах, касавшихся его самого и его невесты. Как думается, толки шли об их встречах наедине, без участия тетки, на квартире голландского посланника. Крайне осторожный, боявшийся совершить опрометчивый шаг в свете, когда дело касалось его служебных амбиций, в сложившемся положении Дантес не видел для себя опасности, проявляя безразличие к происходящему, как не стал придавать значения и речам дочери Кутузова. По-видимому, кавалергард считал, что в глазах общества рыцарский ореол мученика, который ради спасения чести любимой женщины решил связать себя узами брака с ее сестрой, мог только способствовать его продвижению по карьерной лестнице.

То, что под «известной дамой» подразумевалась Елизавета Михайловна, подтверждает еще одно письмо Дантеса к Екатерине Гончаровой, в котором он прямо называет имя дочери Кутузова в качестве доверенного лица Пушкина. Это письмо предположительно датируется 26 декабря 1836 года:

Прежде всего, добрая моя Катрин, начну с исполнения комиссии барона, который поручает мне ангажировать вас на первый полонез, а ещё просит сказать, чтобы вы расположились поближе ко Двору, дабы он смог вас отыскать.

¹⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 493.

¹⁹ См. письмо Е. А. Карамзиной к сыну Андрею от 20 ноября 1836 года (Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 137, 281 (ориг. по-франц.)).

Мне не нужно было Вашей записки, чтобы узнать, что мадам Хитрово confidentка Пушкина. Похоже, она до сих пор сохранила милую привычку лезть не в свое дело; доставьте же мне удовольствие, ежели с вами вновь заговорят об этом, скажите, что мадам Хитрово стоило бы больше заниматься собственным поведением, а не других, особенно по части приличий — предмета, о котором она, по-моему, давно позабыла, по крайней мере, то, как она себя ведет, заставляет в это поверить.

Досадно, что у Вас не будет экипажа завтра утром, но думаю, вам лучше знать, какими вы располагаете способами, чтобы выезжать, и на сей счет мне не надо давать Вам советов.

Однако в любом случае я не хочу, чтобы Вы просили формального позволения у своей дорогой тетушки.

Мы не знаем, получил ли Протопопов²⁰ бумаги из полка, но барон сам сообщит вам нынче вечером на балу.

Многих вам удовольствий сегодня вечером.
*Жорж.*²¹

Как явствует из письма кавалергарда, Хитрово снова проявила активность, решив на этот раз воздействовать на Екатерину Гончарову, которая не дошедшей до нас запиской напомнила Дантесу о доверительных отношениях Хитрово и Пушкина, и кавалергард в довольно грубой форме высказался в адрес Елизаветы Михайловны. Хитрово понимала, как невыносимы для Пушкина встречи с Дантесом, и, безусловно из лучших побуждений, пыталась открыть Екатерине глаза на поведение кавалергарда, для которого сватовство к ней — мера вынужденная, чтобы избежать дуэли, и оно никак не подкреплено истинным чувством. Поступки Дантеса после свадьбы, когда он возобновил прежние ухаживания за женой поэта, в полной мере подтвердили это. Зная смело и прямо выказываний дочери полковника, можно представить, насколько решительной она была в разговоре с пушкинской свояченицей, однако ее убеждения были напрасными. После свершившейся трагедии Александр Карамзин в письме к брату Андрею от 13 марта 1837 года сообщал о Екатерине Гончаровой: «...она — единственная, кто торжествует

²⁰ Михаил Андреевич Протопопов — секретарь Петербургской палаты гражданского суда, оформлявший разрешение на брак Дантеса с Екатериной Гончаровой по представлении необходимых бумаг из Кавалергардского полка. В 1834 году Протопопов оформлял и доверенность Пушкина на ведение хозяйства по части Кистенева и Болдина, выданную И. М. Пеньковскому.

²¹ Витале С., Старк В. П. Черная речка: До и после. С. 190—191 (ориг. по-франц.).

до сего времени и так поглупела от счастья, что, погубив репутацию, а может быть, и душу своей сестры, госпожи П<ушкиной>, и вызвав смерть ее мужа, она в день отъезда этой последней (из Петербурга в Полотняный Завод — родовое имение Гончаровых. — А. К.) послала сказать ей, что готова забыть прошлое и все ей простить!!!»²²

После объявленной помолвки некоторые друзья Пушкина как ни в чем не бывало продолжали принимать у себя Дантеса, несмотря на заявления поэта, не хотевшего иметь никаких отношений с будущим свояком. Любые встречи с кавалергардом были крайне тягостны для Пушкина, особенно если они происходили в домах близких для него людей, однако и Дантес не всегда стремился к таким визитам. Так, в письме к Екатерине, предположительно датированном 24 декабря 1836 года, он пишет:

Настойчивость В. меня удивляет и представляется неуместной шуткой. Ведь Поль²³ видел вчера, как я чуть ли не пластом лежал на софе, и все-таки Валуев²⁴ пришел ко мне с приглашением по всей форме. Я сильно тревожусь, что бы это могло значить, в любом случае вы там будете и завтра мне расскажете.²⁵

Встречи Пушкина с Дантесом случались и в семействе Карамзиных—Мещерских. Александр Карамзин признавался в вышеприведенном письме к брату Андрею:

Пушкин, полный ненависти к этому врагу и так давно уже преисполненный чувством омерзения, не сумел и даже не попытался взять себя в руки! Он сделал весь город и полные народа гостиные поверенными своего гнева и своей ненависти, он не сумел воспользоваться своим выгодным положением, он стал почти смешон, и так как он не раскрывал всех причин подобного гнева, то все мы говорили: да чего же он хочет? да ведь он сошел с ума! он разыгры-

²² Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. С. 191, 309 (ориг. по-франц.).

²³ Павел Петрович Вяземский — сын П. А. и В. Ф. Вяземских.

²⁴ Петр Александрович Валуев — зять П. А. и В. Ф. Вяземских, муж их дочери Марии.

²⁵ Витале С., Старк В. П. Черная речка: До и после. С. 189, 190 (ориг. по-франц.). В комментарии к письму высказано предположение, что под «В.» подразумевался князь Петр Андреевич Вяземский. Однако со стороны близкого друга поэта кажется странным проявление столь явного, вызвавшего даже недоумение Дантеса, рвения в попытке зазвать того к себе. Более вероятно, что кавалергард имел в виду зятя князя, того же Валуева.

вает удалца! А Дантес, руководимый советами своего старого не-известно кого, тем временем вел себя с совершеннейшим тактом и, главное, старался привлечь на свою сторону друзей Пушкина. Нашему семейству он больше, чем когда-либо, заявлял о своей дружбе, передо мной прикидывался откровенным, делал мне ложные признания, разыгрывал чество, благородством души и так постарался, что я поверил его преданности госпоже П<ушкиной>, его любви к Екатерине Г<ончаровой>, всему тому, одним словом, что было наиболее нелепым, а не тому, что было в действительности. <...> Без сомнения, Пушкин должен был страдать, когда при нем я дружески жал руку Дантесу, значит, я тоже помогал разрывать его благородное сердце, которое так страдало, когда он видел, что враг его встал совсем чистым из грязи, куда он его бросил.²⁶

В желании примирить поэта с Дантесом, поверив заявлениям последнего о дружбе, близкие к Пушкину семейства могли сознательно устраивать встречи недавних противников. Письмо Дантеса к Екатерине свидетельствует, что Хитрово не относилась к числу тех друзей Пушкина, кто продолжал поддерживать прежние отношения с кавалергардом и его невестой, ее невозможно было обмануть лживыми убеждениями в дружбе. Она видела и чувствовала душевные терзания поэта, принимая их близко к сердцу.

Таким образом, необходимо снять с Хитрово обвинение в безучастии к Пушкину. Озабоченная положением, в котором находился поэт, она пыталась разрядить напряженную обстановку вокруг него, как, возможно, стремилась повлиять и на мнение представителей дипломатического круга о голландском посланнике и его приемном сыне. Поэтому совершенно справедливо звучит эпитафия Елизавете Михайловне, сочиненная Е. П. Ростопчиной:

Прощальный гимн воспойте ей, поэты!
В вас дар небес ценила, поняла
Она душой, святым огнем согретой, —
Она друг Пушкина была!..²⁷

А. В. Курочкин

²⁶ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. С. 191, 309—310 (ориг. по-франц.).

²⁷ *Ростопчина Е. П.* Цветок на могилу Е. М. Хитровой, урожденной княжны Кутузовой-Смоленской // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. С. 204.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 40

Санкт-Петербург
2026

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

Издание основано в 1962 году

Ответственный редактор
А. Ю. БАЛАКИН

© Авторы статей, 2026
© Пушкинская комиссия РАН, 2026